

СЕРГЕЙ БЕЛОРУСЕЦ

РОДОМ ИЗ... (Фрагментарная семейная хроника)

В РОЛИ ОБЯЗАТЕЛЬНОГО ПРЕДИСЛОВИЯ

1

Оба моих Дедушки родом из Одессы.

Дедушка.

И – Другой Дедушка...

Да и одна (Другая) Бабушка – тоже уроженка Украины.

Её малая Родина – тогдашнее довольно крупное местечко под названием Кривое Озеро, где её папа, не надевавший перчаток или варежек даже в самый лютой южно-русский мороз, был церковным (синагогальным) композитором.

Он со всей своей весьма многочисленной семьёй покинул СССР в 1929-м.

Когда по стране прокатились чистки по профессиональной линии...

Со всей ближайшей роднёй.

Кроме одного мятежного сына и моей Другой Бабушки.

Уже вышедшей замуж за молодого николаевского собкора – моего Другого Дедушку, и даже родившей первенца – моего Другого Дядю...

Кстати, композиторскую синагогальную ермолку собственного родителя Другая Бабушка сумела сохранить.

Пронеся сквозь года.

А незадолго до ухода в мир иной передала её мне.

И она до сих пор у меня лежит.

Живёхонька...

Впрочем, Бабушка, меня выростившая – исконная россиянка.

Бабушкин Папа изначально был деревенским жителем и сельским механиком.

Очень востребованным у себя в селе и в соседних деревнях местным Кулибиным.

Читай: мастером-золотые руки.

Причём, похоже, был он человеком, склонным к некоторому размаху.

В селе, пусть и многолюдном, каким считалось его Ивановское, Калужской, что ли, губернии, чувствовал он себя тесновато.

Да и бедновато...

Посему очутился в Москве-столице.

Ещё до Октябрьского переворота.

Тем более, что пошли дети.

А жена довольно быстро ушла.

В мир иной...

Стольный град оказался к Семёну Фомичу (так его величали по имени-отчеству) весьма благосклонен.

Кроме регулярной работы, между прочим, дал и вполне приличную большую комнату.

Которую, кстати, со временем удалось обменять на значительно большую.

В том же самом доме, вблизи Кремля...

Несколько лет Семён Фомич (отчасти неприкаянно) мотался между городом и деревней.

Туда-сюда.

Однако с началом двадцатых окончательно осел в Москве.

Забрав туда парочку младших дочек.

Старшей из них была Бабушка, девочкой учившаяся, к слову, в центровой школе имени знаменитого норвежского полярника Фритъофа Нансена...

Однозначно положительным типом при этом Семён Фомич точно не являлся.

Ибо крепко пил.

Будучи запойным.

Что не слишком содействовало его дальнейшему продвижению по служебной линии.

А вот в гроб его уложило весьма скоро.

До сорока...

Носил крестьянский сын Семён Фомич фамилию Усачёв, предсказуемо доставшуюся ему от собственного отца.

Видимо, после отмены в России крепостного права.

Ведь у Фомы имелось прозвище Усач.

Иначе – Усатый.

Благодаря его шикарейшим пшеничным усам...

Любопытно, что не такие уж многочисленные потомки Фомы Усатого, который был родом из окрестностей Костромы, стали обладателями совершенно различных фамилий.

Ибо отменённое на Руси реформой 1861-го года крепостное право дало этим потомкам право выбора. Фамилии.

В общем, одни потомки Бабушкиного Дедушки сделались Фомиными, другие – Костромиными.

Не считая наших Усачёвых...

Хотя Дедушка был стопроцентным коренным одесситом, прожившим там всё детство и юность, про Дедушкиного Папу я знаю только то, что непосредственно перед Великой Отечественной Войной он обитал в скромном белорусском городе Рогачёв...

Там его и не стало.

В тамошнем гетто.

Фельдшер, он имел официальное разрешение от оккупационных властей периодически выезжать за его пределы.

Чтобы относительно регулярно пополнять запасы лекарственных средств и перевязочных материалов.

А назад, в гетто, Дедушкин Папа провозил отнюдь не только их.

Будучи связанным с партизанами...

Вроде бы так.

Знаю, что примерно в сороковом году Дедушкин Папа целую неделю гостил в Москве.

Где подарочно-просветительски водил Бабушку в ГОСЕТ.

В Государственный еврейский театр.

Тем вечером давали в нём шоломалейхемовского «Тевье-молочника».

Естественно, пользуясь языком оригинала.

Синхронный перевод пьесы в постановке уже знаменитого советского актёра Михоэлса по мотивам рассказов классика еврейской литературы Дедушкин Папа тихонечко нащёпывал Бабушке прямо на ушко...

2

Будучи в позднем юношестве, я почему-то считал, что все советские анекдоты сочиняют остроумные одесские евреи.

Которые специально для этого собираются в общественном туалете на Дерибасовской улице.

Но когда, в лето московской Олимпиады, я со товарищи впервые добрался до черноморской Одессы – города, откуда родом оба моих дедушки-москвича, пришлось вышеназванную собственную версию признать абсолютно ошибочной.

Ибо не было на Дерибасовской ни одного общественного туалета.

Зато почти в любой одесской подворотне можно было прочесть: «Во дворе туалета нет!..»

3

А ещё в тот же мой (до сих пор оставшийся единственным) приезд в Одессу, уже по дороге назад, к аэропорту, услышал я эту фразу.

Зажатый между людскими телами.

В дико переполненном августовском автобусе.

Истошный женский голос выдал нечто невообразимое.

Неподражаемое.

Хотя выданный миру канонический текст (вроде как) можно и воспроизвести:

– Ой, наш бедный папашка! Он совсем не имеет за что подержаться!..

ШАХМАТЫ И ПРЕФЕРАНС

Среди небольшого количества семейных историй, которые я в разные годы детства слышал от Старших Родственников, есть и эти две.

Про Дедушку.

Игрока-интеллектуала.

Спасителя и освободителя.

Ещё до московского рабфака, будучи полноправной частью юной одесской гольфьбы, играл он по воскресеньям, полуголодный, в шахматы.

На пирожные.

Причём проиграть Дедушка просто не мог.

Потому что кушать пирожное было ему не на что.

Поэтому он регулярно выигрывал.

Еженедельно подпитывая свой растущий, остро нуждающийся в еде организм – таким вот экстремальным способом.

Пополам с активно выделяющимся адреналином...

А после Великой Отечественной у Дедушки, прошедшего всю войну практически от звонка до звонка, никак не получалась демобилизоваться.

Не желала привязчивая советская армия его отпускать.

Артачилась, любвеобильная милитаристская гадина...

Но Дедушка с ней, змеюкой, бился.

На жизнь мирную.

Будущую.

И едучи как-то по служебной необходимости узнал, что Самый Большой Начальник в том же поезде с инспекцией едет.

И компанию себе для игры в преферанс подходящую ищет.

И не абы кого-нибудь.

А только игрока заведомо сильного.

Чтобы играть с ним было жутко интересно.

Но всё-таки выиграть.

(Стало быть, могущего в упорной бескомпромиссной борьбе проиграть...).

Это уже Дедушка про себя подумал.

И себя самого Самому Большому Начальнику в этом благородно-корыстном качестве предложил.

Сильного игрока, в смысле.

А заодно и сделал вид, что не знает, что перед ним Самый Большой Начальник сидит.

В купе личном.

Короче, играли они всю ночь.

За питьём трофейного коньяка и душещипательными разговорами о жизни.

Касавшимися, в частности того, как мечтает Дедушка поскорее демобилизоваться.

Чтобы домой вернуться.

К жене и детишкам...

И на исходе ночи, под стук колёсный, Дедушка в упорнейшей борьбе, наконец, уступил Самому Главному Начальнику.

И тот, растрогавшись от благодарности и спонтанно возникшей симпатии, демобилизовал счастливого Дедушку.

В максимально короткие сроки...

Помню Дедушку и за шахматами – почти ежевечерне, а по выходным – обязательно.

И за преферансом – иногда летом, на даче.

Я же ни в шахматы, ни в преферанс не играю.

Не испытываю ни малейшего интереса и желания.

Хотя немного умею.

Ведь Дедушка меня учил.

По своей личной инициативе – в шахматы, когда я был старшим дошкольником.

По моей блаженной просьбе – много позже – в преферанс...

У ДЕДУШКИ НА РАБОТЕ

Детский сад, куда меня отдали, когда мне исполнилось три, находился от нашего дома далеко, на Садовом Кольце, между станциями метро «Маяковская» и «Краснопресненская».

Зато он располагался довольно близко к Дедушкиной работе.

Поэтому чаще всего в детский сад я отправлялся на персональной машине, полагающейся Дедушке как Большому Начальнику.

Сначала Дедушка забрасывал в сад меня, а потом уже ехал на работу.

Или – наоборот – если Дедушке на работе требовалось быть пораньше, он сначала держал путь туда, а уже следом – сменный водитель (Коля Мукомолов, которого я считал Мухоморовым, или Борис Гаврилыч, впоследствии оказавшийся Борисом Григорьевичем) завозил меня в сад.

Из-за того, что Дедушкина работа находилась в непосредственной близости от детского сада (а может, и вне связи с этим) посещения Дедушкиной работы, куда я попадал вроде бы и не так часто, воспринимались мной, скорее, как нечто повседневное, чем что-то праздничное.

Хотя бывал я там с удовольствием, перманентно купаюсь в благожелательности, которую расточали мне и Дедушке все встречные-поперечные.

Начиная нежно улыбающимися девушками-милиционершами, поставленными в дверях проверять пропуски.

У всех.

Кроме Дедушки.

А шестизэтажное длинное здание, состоящее из двух разностильных половинок, представлялось мне громадиной.

И чтобы не потеряться в ней, я придерживал Дедушку за полу его пиджака.

Дедушка же всё время норовил убежать вперёд, не боясь сбиться с пути и потерять ориентировку в пространстве...

Как правило – Дедушка вёл меня в свой кабинет, где выдавал пачку белой бумаги и массивные карандаши (для разноцветных начальственных резолюций?), которыми я с упоением рисовал.

Пока Дедушка решал какие-то дела с подчинёнными или разговаривал по телефону.

Тем временем Дедушкина секретарша приносила из буфета чай и бутерброды.

Чтобы мы с Дедушкой могли перекусить...

Водил меня Дедушка и в разные редакции, и во всякие аппаратные.

В одной из них по Дедушкиной просьбе я даже прочитал наизусть нравоучительный стишок про Гришу, чьи карманы ломались от уймы ненужных вещей, но в которых не было «пустыка – носового платка!..»

Звук «р», произносимый мной с дефектом, обозначенным в логопедическом реестре как боковое «р» – в стихах про Гришу повторялся многократно.

Что и приняла на себя магнитная лента, записанная тогда оператором.

Коричневая лента, хранившаяся потом у нас дома, на верхней полке секретера в Большой Комнате.

Без малейшей возможности быть прослушанной.

Ведь магнитофона у нас дома – как и у большинства соотечественников – не водилось.

А когда он всё-таки возник – в качестве части комбайна, преподнесённого к шестидесятилетию Дедушке его подчинёнными сослуживцами, магнитная лента уже размагнитилась...

АДЕНОИДЫ И ГЛАНДЫ

Было мне тогда 6 лет.

Почти что 7.

И – целую зимнюю неделю вблизи Нового года я прожил на Ленинградском проспекте.

В нашей районной детской больнице.

Где мне вырезали аденоиды и гланды.

Палатные окна выходили на больнично-поликлинический дворик – и почти всё время я старался проводить перед ближним к моей кровати окном, сидя на подоконнике.

В ожидании Дедушки.

Либо другого Старшего Родственника.

Потому что в первый день моего недельного заточения (хотя первоначально речь шла всего лишь о трёх днях), повинаясь то ли тонкому душевному порыву, то ли надежде на чудо, я тупо уставился в окно – и вдруг – отчётливо – с третьего этажа – увидел Дедушку, спротивно стоящего внизу.

Не помню, кричал ли я, призывая Дедушку увидеть меня ответно, дабы забрать домой, но руками жестикулировал точно.

Дедушка заметил меня в огромном окне старинного казённого здания – и вместо того, чтобы забрать домой, спрятался за широкое, облепленное снегом дерево...

Медсёстры и – особенно! – нянечки злобно запрещали сидение на подоконнике, считая сие занятие непростительной вольностью.

Но я всё же исхитрялся просиживать перед окном.

Часами.

Для меня это был тот последний рубеж, который я сдать не мог.

И – не сдал...

Папа болел за ЦСКА, Дедушка и я за «Спартак», Дядя за «Динамо».

Почему-то считалось, что и Бабушка болел за «Динамо».

А что Мама ни за кого не болел.

Впрочем, я подозревал, что Мама испытывает тайные симпатии к «Динамо».

Речь шла в первую голову (идеально круглую, как мяч!) о футболе.

Кстати, когда меня поначалу длинноволосого и мелкокурчавого, стали стричь в парикмахерской, всякий раз после стрижки, мама любовно проводила рукой по моей голове и ласково произносила одно и то же слово: – Футбол!

Хотя стригли меня под полубокс...

В мужском зале парикмахерской, находящейся в доме, который кто-то называл Ажурным, а кто-то Кружевным...

Футбол вошёл в мою жизнь рано.

Можно сказать, влетел в открытый ближний угол детской души...

Уже с четырёх лет я был ярым спартаковцем, смотрящим по телевизору и слушающим по радио все футбольные трансляции.

У Дедушки наличествовал служебный пропуск, обеспечивающий проход в ложу прессы на матчи высшей лиги чемпионата СССР по футболу.

Вернее, два пропуска.

Один для прохода на Центральный стадион «Динамо», на Северную Трибуну, а другой – в Лужники, на БСА – Большую Спортивную Арену.

Дедушка почти всегда, если шёл на футбол, брал меня с собой.

На «Динамо» мы ходили значительно чаще.

Ибо жили в двадцати минутах ходьбы...

Да и сам я в футбол играл (как правило – с Дедушкой).

Дома в качестве мяча мы обычно использовали воздушный шар, из тех, что приносились Старшими Родственниками с первомайских демонстраций или покупались мне во время народных гуляний.

Играли в незахламлённом идеально прямом и даже не слишком узком коридоре.

Воротами (Дедушкиными) служила обитая дерматином внутренняя часть входной двери (снаружи – дверь была целостно деревянная, с висящим на ней синим типовым, при свисающем снизу замке почтовым ящиком «для писем и газет»).

А моици – находящаяся ровно напротив – дверь Маленькой Комнаты.

Порой дверь Маленькой Комнаты оставляли открытой – и моици воротами тогда становился дверной проём, который я защищал самозабвенно...

Если Дедушка брал меня на прогулку, я обязательно прихватывал с собой мяч, чтобы мы могли «постукать» друг другу в каком-нибудь подходящем местечке.

На худой конец – во дворе или в примыкающем к нашему дому скверике.

Или на аллее Стадиона Юных Пионеров, который находился к нашему дому даже ближе, чем стадион «Динамо».

ЗАСЛУЖЕННЫЙ КЕФИРЩИК РЕСПУБЛИКИ

Дедушка был Большой Начальник.

Но почти у каждого большого начальника тоже бывает начальник.

Вот и у Дедушки он был.

А если точнее, то была.

Поскольку начальника звали Валентина Фоминична.

Это – в глаза.

А за глаза – просто Фоминична.

Что Фоминична – женщина крутая (в том, ещё давнишнем значении слова) – я знал из Бабушкиных с Дедушкой домашних разговоров, при которых порой мог нечаянно оказаться (совсем не у всех тогдашних больших начальников и квартиры были большие)...

Правильнее сказать, даже не из разговоров, а из их обрывков, ведь едва заметив моё присутствие неподалёку от себя, Бабушка и Дедушка всякий раз в мгновение ока сворачивали с этой магистральной (как я понимаю сейчас) темы и переходили на какую-нибудь другую, менее животрепещущую...

Что Фоминична женщина крутая, я как бы знал, но напрямую меня это никак не касалось.

Никаким боком.

Напротив, со мной она всегда вела себя подчёркнуто вежливо, уважительно, дружелюбно.

Мне очень нравилось с ней общаться.

По-моему, ей со мной тоже.

Я встречался с Валентиной Фоминичной довольно часто.

И в гости она к нам неоднократно приходила, и вместе на подмосковную лыжную базу (которая в дни праздников становилась своеобразным Домом Отдыха Руководящих Работников) мы регулярно выезжали, и на даче потом много лет соседствовали...

Любила Фоминична держать в поле зрения жизнь своих ближайших подчинённых.

Любила (и умела) быть в курсе их семейных дел.

Причём старалась в этих делах – по мере возможности – принимать активное творческое участие.

Как правило – с очевидной пользой для противной (приятной!) стороны...

Бабушка очень хотела, чтобы я вечером за пару часов до сна выпивал чашку кефира.

И многожды пыталась преуспеть в организации нужной для здоровья ребёнка ежевечерней процедуры.

Всё безуспешно.

Ребёнок не желал пить кефир.

Ни кислотоватый, естественного магазинного вкуса.

Ни подслащённый с помощью сахарного песка в домашних условиях.

Никакой.

Категорически.

Даже наличие симпатичных, притягательных, похожих на медали, зелёных крышечек из фольги на кефирных бутылках мало что меняло...

Информация о Бабушкиных организационных неудачах посредством Дедушки достигла Валентины Фоминичны, которая, как признанный организатор, сразу же нашла способ решения кефирного вопроса.

Нужно было объявить социалистическое (а какое ещё?) соревнование.

Длиною в квартал.

С целью привлечения ребёнка к систематическому питью кефира.

Причём это должно было быть не просто соревнование, а соревнование по питью кефира!

Кандидатура первого участника состязания у жюри (или как его там?), возглавляемого Валентиной Фоминичной, сомнений предсказуемо не вызвала.

Что до соперника юного спортсмена – практически на безальтернативной основе – им стал Дедушка.

Во-первых, согласно генеральной идее Валентины Фоминичны, для поддержания длительной турнирной интриги мне требовалась серьёзная конкуренция со стороны опытного, закалённого жизнью бойца.

Во-вторых (весьма приятная неожиданность!), именно закалённый жизнью боец проживал на той же самой жилплощади, что и юный спортсмен, а это позволяло соревноваться ежевечерне, без вынужденных перерывов и простоев.

В-третьих – как посчитала прозорливая Валентина Фоминична – кефир штука полезная не только для ребёнка, но и для взрослого пятидесятилетнего мужчины, коим тогда являлся Дедушка.

В качестве приза подразумевалось нечто.

Что за нечто, похоже, не слишком знали и сами организаторы турнира, надеющиеся, впрочем, в течение трёх месяцев это нечто придумать.

Ближе к награждению.

А там уж торжественно вручить победителю.

На старт! Внимание! Марш!

Валентина Фоминична, прибывшая к нам в гости, дабы перерезать ленточку на кухне, ленточку благополучно перерезала, тем самым дав отмашку – и мы с Дедушкой начали каждый вечер пить кефир.

Кто быстрее – наперегонки.

Главным судьёй определили Бабушку (кого ж ещё?), которая специально купленным в магазине «Спорттовары» секундомером фиксировала наши результаты, ежевечерне определяя победителя этапа, а заодно личные рекорды каждого участника.

После чего результаты вносились в таблицу соревнований, приклепленную изнутри к двери Маленькой Комнаты.

Иногда побеждал я.

Иногда – Дедушка.

Но чаще всего случались ничьи.

В кефирных баталиях прошла ключительная часть осени и первый месяц зимы.

Наконец положенный Валентиной Фоминичной на состязание квартал истёк, и нужно было подводить итоги.

Тут организаторы (голосом главного судьи) объявили, что в течение недели, оставшейся до подведения окончательных итогов борьбы, участники трёхмесячного поединка продолжают пить кефир.

Правда, не на время, а так, ради удовольствия...

Обе стороны-участницы не возражали.

Торжественное подведение итогов кефирной дуэли предусмотрительно назначили на 1 января, приурочив к встрече Нового Года.

Лучше всего для этого мероприятия, по мнению Валентины Фоминичны, годилась вышеупомянутая лыжная база.

Она же Дом Отдыха Руководящих Работников.

Планам Валентины Фоминичны суждено было сбыться.

Общий праздник, продлившийся аж до 5 утра, явно удался.

Включая праздник на моей отдельно взятой улице, который достиг своего апогея в момент торжественного награждения победителя и призёра длительной кефирной битвы.

Валентина Фоминична собственноручно осчастливила меня настоящей почётной грамотой, в которой значилось, что мне присуждается первое место в соревновании по питью кефира, а также присваивается почётное звание «Заслуженный кефирщик республики» (почему – сразу – не Советского Союза?), с вручением Малого Ордена Ленина. (Почему не Большого – я даже не спрашиваю...).

Малый Орден был сделан из нижней части значка, на котором ясно угадывался профиль вождя мирового пролетариата.

Верхняя же часть Малого Ордена практически ничем не отличалась от верхней части Дедушкиных военных медалей и точно так же цеплялась к груди.

Или к чему-нибудь ещё...

Я потом, однажды, через пять месяцев, даже надел этот Малый Орден на грудь.

Тогда как раз отмечалось двадцатилетие победы Советского Союза в Великой Отечественной Войне – и мирная Бабушка, крайне противящаяся милитаристским играм единственного внука, уступив моим настойчивым уговорам, сшила мне солдатскую почти защитного цвета пилотку, а в придачу к ней гимнастёрку.

Из того же материала.

Дома играть в войну Бабушкиными усилиями мне – как правило – не разрешали.

Хотя иногда мне всё же позволялось строчить из игрушечного автомата и в домашних условиях.

Главным условием было – не целиться в живых людей...

Другое дело – детский сад.

Там – игра в войну наряду с футболом на одной третьей части общего участка (две другие принадлежали другим группам), огороженной забором территории с беседкой, являлась основной мальчишеской забавой.

Порой мне приходилось становиться и фашистским офицером, что меня отнюдь не огорчало.

Я умел найти в этой роли свои плюсы, подспудно чувствуя, что сопереживать можно и врагу.

Который тоже – человек...

Но – к моей военной форме.

Бабушкиного кроя и шитья.

Бабушка вообще много шила.

Даже в начале пятидесятых, когда Дедушку уволили и чуть не посадили, она своими портняжными умениями около года семью кормила...

А мне любила шить вещи синие и с оттенками голубого, полагая, что в них мои серые глаза становятся васильковыми.

Так вот, о моей военной форме.

Она создавалась, имея в виду быть надетой на двадцатую годовщину Дня Победы.

Так всё и вышло.

К пилотке я прицепил всамделишную красную звёздочку, купленную Дедушкой в «Военторге».

А Малый Орден Ленина отправился мне на грудь...

Но это приключилось со мной уже после встречи Нового Года, во время которой занявшему второе место в соревновании по питью кефира Дедушке тоже досталась грамота, и тоже присвоилось звание.

Только немного скромней, чем у меня – «Кефирщик Российской Федерации второй степени».

И вместо нагрудного знака Дедушка получил Большую Серебряную Шоколадную Медаль.

Действительно, громадную.

Запакованную в серебристую фольгу.

Другой такой Медали (или хотя бы отдалённо на неё похожей) я в жизни не видел.

А эта чуть позже перекочевала ко мне.

Я её долго хранил в моём ящике Папиного Письменного Стола.

Пока – в конце концов – не съел...

По завершении соревнования кефирщиков я ещё какое-то время каждый вечер продолжал пить кефир, постепенно переходя на менее регулярное его потребление.

Через год прекратилось и оно, чему Бабушка почему-то не противилась.

Дедушка рассказал мне, десятикласснику, анекдот, который начинался вопросом.

А вопрос был таким:

– Чем отличается ЦК от ЧК?

Что удивительно, у меня сразу же нашёлся ответ:

– В ЦК выбирают, а в ЧК забирают! – радостно выпалил я.

Впрочем, Дедушкин вариант ответа, несколько отличался от моего.

Хоть несколько ему не противоречил:

– В ЦК цыкают, а в ЧК чикают...

КАРТОЧНАЯ КОЛОДА

Я её нашёл.

Полную колоду игральных карт.

В красочной картонной капиталистической коробочке.

С картинками (абсолютно) голых женщин.

На каждой карточной рубашке...

Нашёл я эту колоду внутри одного из пяти нижних ящиков импортной, венгерской, что ли, горки – части не так давно купленного Бабушкой и Дедушкой мебельного гарнитура.

Гарнитур стоял в Большой Комнате, где жили Бабушка с Дедушкой.

А я жил в соседней – Маленькой.

Но иногда заходил в Большую.

Причём не только в присутствии её обитателей...

Вот и на сей раз оказался в Большой Комнате самовольно.

Воспользовавшись тем, что ни Бабушки, ни Дедушки дома не было.

Что, собственно, мне и требовалось для осуществления моего плана.

В плане же – первым и единственным пунктом значилась поисковая операция.

С целью обнаружения и последующего захвата искомого.

От меня, одиннадцатилетнего, спрятанного.

Которое, ввиду очевидного отсутствия альтернативных мест хранения, находилось либо в самом верхнем отсеке старого секретера.

Либо в одном из пяти нижних ящиков не так давно купленной горки.

Короче, нашёл я карточную колоду запрещённого в нашем социалистическом обществе характера – и тихо перетащил к себе.

В Маленькую Комнату.

Где спрятал под (зелёный жёсткий) матрас моей новёхонькой польской софы.

Причём почему-то предварительно вынув содержимое из картонной красочной коробочки – и расположив карты по всей площади деревянного кроватного каркаса.

Рубашками вверх...

Впрочем, через сколько-то времени меня разоблачили.

Старшие Родственники.

Кажется, в лице Мамы...

Уже тогда проживающей с Папой на Новолесной – и достаточно регулярно (пару раз в неделю после работы) приезжающей к нам на Беговую, в частности, навещать сыночка – и в один такой приезд зачем-то решившей вытрясти мой (зелёный жёсткий) матрас.

Видимо, в лице Мамы...

Почти бесконфликтно предложившей мне посещать Третьяковку и Пушкинский музей.

Чтобы в нужном (для растущего организма количестве) открыто лицезреть настоящую красоту нагого женского тела.

А не подпольно удовлетворяться низкопробными суррогатными аналогами...

Я благодарно и расслабленно промямлил в ответ что-то маловразумительное.

Однако самое интересное заключалось в том, что – отнюдь не (запретная) карточная колода – являлась предметом моего тогдашнего любопытства,

Вовсе не её, привезённую из Канады, вожаденно искал я, нелегально проникнув на территорию соседней, Большой Комнаты.

Мне животрепещуще хотелось попробовать дефицитной жевательной резинки, также привезённой, однократно отправленным в капиталистическое далёко Дедушкой, из Монреаля.

И – люто Бабушкой презираемой (лишь эпизодически в то время попадающихся на глаза пользователей этого пищевого продукта Бабушка заглазно бичевала словосочетанием «жвачное животное»).

Ещё сильнее, чем (любого рода) игральные карты...

КВАРТПЛАТА

Что делать – привык я платить за квартиру.

Причём делать это вовремя...

Неизменно.

Даже в самые мои чудовищные, ахово-безденежные девяностые, каждый божий месяц выкраивал я средства на квартплату.

Считая свет, газ телефон...

Так продолжалось лет около десяти.

Очень может быть, ещё и потому, что однажды слышал я от Бабушки такую вот историю.

Домашне-давнишнюю...

Лет которой сейчас примерно столько же, сколько дню окончания войны.

Великой Отечественной.

Как её посеючас у нас кличут...

Уехала летом сорок первого Бабушка в эвакуацию.

В Свердловск.

С двумя детьми.

Дошкольницей Мамой и грудничком Дядей.

Стала работать на трудовом фронте.

Так это называлось...

Работала практически без выходных.

Уходя ранним утром и возвращаясь почти ночью.

А пятилетнюю Маму приходилось оставлять за старшую...

Денег водилось не слишком.

Но как-то всё же справлялись.

Тем более, что Дедушка прислал с фронта свой офицерский аттестат...

Оттуда, из той армейской матчасти, ежемесячно извлекала Бабушка энную сумму.

Чтобы немедленно выслать её в Москву своей старшей сестре – Бабе Тине.

Где та жила неподалёку от площади трёх вокзалов...

Отправляя же Бабе Тине Бабушка не просто фиксированную денежную сумму.

Сумма была целевая.

И полагалась в основном для оплаты нашей родовой квартиры по адресу Беговая улица дом №8.

Да-да, наш дом носил тогда именно такой номер...

А вносить квартплату разрешалось тогда только по месту жительства-прописки.

В ближайшей к нему гострудсберкассе...

На столичный общественный транспорт времён ВОВ (метро и трамвай) полагаться особо не приходилось.

Тем паче, что Беговая улица об эту пору по праву считалась настоящей московской окраиной...

Короче, раз в месяц шлёпала сороколетняя ещё Баба Тина пешком.

Со своей площади трёх вокзалов.

Часа два-три шлёпала.

В один конец...

До сберкассы на Ленинградском проспекте.

Оплачивала жировку.

После чего шлёпала в обратном направлении.

Те же пару-тройку часов...

Ну а весной сорок четвёртого возвратилась Бабушка с чуть подросшими детьми из эвакуации.

О чём я уже написал выше...

ПРО НОМЕР ТЕЛЕФОНА

Бабушка и Дедушка собирались переезжать.

На новую квартиру.

В новый дом.

Совсем-совсем новый.

А телефон там ещё не поставили.

Никому.

Дедушка тогда являлся не только Большим Начальником, но и народным депутатом.

Как раз того самого московского района, где получил свою новую двухкомнатную квартиру.

В обмен на бывшую однокомнатную.

Полученную энное время назад неподалёку.

Так тоже (порой) тогда случалось...

Вот Бабушке и пришло в голову, что очень хорошо было бы, чтобы у домашнего телефона оказался удобный номер.

Легко запоминающийся.

Не знаю, сколь легко далось решение этой очередной бытовой задачи народному депутату председателю районной комиссии по культуре Дедушке, однако номер у домашнего телефона, действительно, оказался что надо.

Легко запоминающийся.

Ведь сумма первых трёх цифр эмтээсовского городского номера равнялась десяти, а четырёх последних – ста!

Сейчас, в эру индивидуальных мобильников, когда коллективные домашние телефоны повсеместно сделались анахронизмом, я так и не решился отказаться от стационарного телефона в бывшей Дедушкиной и Бабушкиной квартире.

Записанного теперь на меня.

И уже дюжину лет выдернутого из телефонной розетки.

В том далеко не новом блочном двенадцатизэтажном доме, где нынче проживает семья моего почти тридцатипятилетнего сына.

А не решился я отказаться от здешнего стационарного телефона лишь по одной-единственной причине: очень жалко с ходу безвозвратно лишиться столь удобного телефонного номера.

Так легко запоминающегося!..

ДОМ НАПРОТИВ

Другая Бабушка открыла фортепьянную крышку, прикоснулась руками к чёрно-белым клавишам и запела низковатым, почти мужским голосом.

При этом двойной подбородок на её одухотворённом умеренно усатом лице нежно дрожал, придавая дополнительную вибрацию песенному звучанию.

Другая Бабушка любила рассказывать, как раньше, после окончания гимназии, пела в настоящей украинской капелле.

И вообще считала себя человеком, приобщённым к различного рода искусствам.

Ведь регулярно посещала консерваторию, ездила в кинолекторий, печатала на машинке профессиональным журналистам и писателям.

Даже вроде самому Шолохову.

Или его литературному секретарю...

Пишмашинка у Другой Бабушки была дореволюционная, знаменитой фирмы «Континенталь», с русской алфавитной клавиатурой, переставленной взамен иностранной.

Пишмашинка вместе с Другой Бабушкой, Другим Дедушкой, а также с их первенцем – Другим Дядей и турецкой ручной кофемолкой прибыла на берега Москва-реки в самом конце двадцатых, навсегда покинув черноморскую Одессу.

Просто Другого Дедушку вызвали на новую работу.

Назначив каким-то мелким начальником внутри разрастающегося аппарата Главной Партийной Газеты...

Другая Бабушка поехала с ним – молодым, подающим надежды мужем.

А не со своими многочисленными (в том числе и старыми) родственниками, которых за пару лет до того местные власти практически вынудили покинуть проводящую очередную (слава Богу, на сей раз бескровную) чистку Страну Советов...

Другой Дедушка с перерывом на войну, проведённую на фронтах Великой Отечественной, оставшуюся часть жизни так и проработал в аппарате Главной Партийной Газеты.

Начальником средней руки.

Или заместителем начальника чуть более крупного масштаба...

Если же чуть подробнее о войне, то окончилась она для него, старшего лейтенанта, в 44-м.

Получением спинной травмы и ордена Красной Звезды.

За спасение секретных документов дивизии, которые он выпёр с передовой на своём горбу.

Посредством типового бронированного сейфа...

Проживал же Другой Дедушка с последнего предвоенного года до заслуженной смерти (она у всех заслуженная) в двух смежных комнатах пятикомнатной ведомственной коммуналки.

С женой и тремя детьми, одним из которых был Папа.

Будущий идеолог хрущёвского периода Ильичёв, жившей в том же доме, в такой же пятикомнатной, правда, отнюдь не коммунальной квартире и совсем не в том подъезде, чем Другой Дедушка и компания, порой позволял себе отдохнуть от государственных дел.

Это известие неизменно вторгалось в жизнь Другого Дедушки.

Грубо её корректируя.

В обличии домработницы будущего создателя Новой Программы Партии, нажимающей нужное количество раз кнопку общего дверного звонка, дабы отозвались обладатели двух смежных комнат...

Они отзывались.

И увидев в дверях домработницу Дору, знали заранее, что она скажет.

А произносила она одну (и только одну!) фразу:

– Сам на рыбалку собрался...

В переводе на русский общеупотребительный это означало неизбежную необходимость немедленно из рук в руки передать домработнице лучший (и единственный!) плащ Другого Дедушки.

Ибо рыбу товарищ Ильичёв ловил исключительно в плаще Другого Дедушки.

Прочие варианты будущим творцом Морального Кодекса Строителя Коммунизма даже не рассматривались...

Зато главный редактор еженедельника «Футбол» Мартын Иванович Мержанов никогда в звонок не звонил.

Просто оставляя в почтовом ящике Другого Дедушки свежий номер своего детища.

Еженедельно.

В течение лет.

И зим...

Я застал Другого Дедушку.

Хотя виделись мы нечасто.

Его последние годы, прошедшие по больницам и санаториям, совпали с первыми моими...

Другая Бабушка, дожившая почти до девяноста пяти, в моём дошкольничестве также общалась со мной лишь по праздникам и в дни, когда меня было не с кем оставить.

Чтобы попасть из нашего дома в гости к Другой Бабушке, требовалось перейти через Очень Большую Дорогу.

Наш дом находились (да и находится) строго напротив того, в котором обитала Другая Бабушка.

Из окна Большой Комнаты, кухни или ванной окна Другой Бабушки и один из её двух балконов просматривались как нельзя лучше.

Вот я порой и устремлял туда взгляд юного естествоиспытателя...

Если я оказывался у Другой Бабушки, первым делом она куртуазнейшим образом предлагала мне снять верхнюю одежду в прихожей.

– Разоблачайся! – величественным полубасом произносила она, иногда имитируя посильную помощь.

Следом снятые вещи отправлялись на вешалку, где среди постоянно висящих неизменно привлекал моё внимание светлый потёртый овчинный полушубок Другого Дедушки, пришедший на нём с войны, а теперь иногда использующийся в качестве одеяла.

Любил я им накрываться, да позволяли мне редко....

Взамен снятых мной валенок с галошами или ботинок, Другая Бабушка выдавала мне чувяки – мягкие овечьи тапочки.

Чувяки мне нравились, потому что в них было удобно скользить по длинному широкому коммунальному коридору – в сторону кухни и обратно.

Немного приволакивая ноги и представляя себя всамделишным конькобежцем.

Каким-нибудь знаменитым чемпионом вроде Виктора Косичкина, Евгения Гришина, Антса Антсона, Валерия Каплана...

Другая Бабушка и кормила меня иначе, чем кормила дома.

Коронным здешним блюдом считалась жареная картошка с яичницей.

Причем еда приносилась из коммунальной кухни и подавалась к столу в огромной чугунной сковородке, для которой на буфетной полке имелась специальная крутобокая массивная подставка из железа.

Мне же приносили жареную картошку, залитую яйцом («картошечка с яйцом» – так это здесь называлось) в маленькой аккуратной сковородочке и – тоже! – позволяли прямо с неё есть, ещё дымящуюся.

Напрочь игнорируя такой жанр как мелкая тарелка.

И подставочка своя для сковородочки наличествовала.

И вынималась она – тоже – из вышеупомянутого буфета.

У нас дома жареную картошку не готовили: либо – отварную, либо – пюре, в крайнем случае – отварную Бабушка чуть поджаривала.

А – тут...

И стихи какие-то другие читала мне Другая Бабушка:

*Каспар Шлих, куры табак,
Нёс под мышкой двух собак!*

После чего меня так и подмывало курить спички, которые у Другой Бабушки лежали не в бумажном коробке, как у нас, а в маленьком серебряном коробочке.

Коробочек она от меня не прятала и курению спичек не препятствовала...

Сказки Другая Бабушка тоже читала другие.

Наизусть.

Из книжки «Чтец-декламатор», которую проштудировала от корки до корки в своём давнишнем южнорусском детстве, с гимназией и украинской капеллой.

И с двойной красивой фамилией Поляк-Молдавская, полученной по факту рождения.

Очень смешно.

Потому, что после того, как Другая Бабушка вышла замуж, фамилия Поляк-Молдавская превратилась в Белорусец...

ПИШМАШИНКА

*Я люблю моей комнаты
Пыльноватый дурман.
Эту дымку оконную,
Этот дряхлый диван,*

*Эти шкафчики книжные –
С беспорядком внутри.
Нужные и ненужные
Словари, буквари...*

*За окном эту бледную
И глубокую даль.
Пишмашинку наследную
Фирмы «Континенталь»...*

Короче, стихотворение (которое я цитирую здесь без его заключительной, четвёртой строфы) было написано мной спустя какое-то (незначительное) время.

Когда вышеупомянутая пишмашинка стала уже полноправно моей...

Году в 83-м.

Пишмашинка – символично и прямиком – перешла ко мне в руки из рук Другой Бабушки.

Моментально перейдя на моих руках через родную Беговую.

Чтобы водрузиться на письменном столе в доме напротив дома Другой Бабушки.

В Маленькой Комнате у меня дома...

Другая Бабушка сама изъявила желание подарить внуку-стихотворцу свою заслуженную механическую пишущую машинку.

Через пятилетку вынужденного и окончательного простоя.

А прежде пользовалась ей активнейшим образом.

Начиная года с двадцать девятого.

Когда вместе с пишмашинкой, турецкой кофемолкой, грудным ребёнком и вызванным на новую работу в аппарат главной партийной газеты мужем (Другим Дедушкой) приехала в Москву-столицу.

Из Николаева...

Пишмашинка же была из Одессы.

Точнее сказать, из (очень) дальнего зарубежья.

Заморского.

Ведь в Одессу-маму приплыла из Стамбула-папы.

С латинским шрифтом – пресловутой латиницей – на клавиатуре.

Капиталистическую латиницу, естественно, следовало теперь сменить на социалистическую кириллицу.

Что Другая Бабушка, подсуетившись, и сделала.

При помощи (русских?) народных умельцев.

Правда, буквы и прочие значки на клавиатуре пишмашинки располагались в каком-то своём, индивидуальном, порядке.

Во всяком случае, поборницы слепого метода набора машинописных текстов, глядя на эту клавиатуру – точно – отдыхали.

А Другая Бабушка – (на ней) работала.

Зряче и не покладая рук.

В результате – весьма быстро набрала персональную клиентуру.

Имеющую неуклонную тенденцию к постоянному росту.

Тем более, что менее чем десятилетие спустя – Другая Бабушка с пишмашинкой, кофемолкой, двумя сыновьями и Другим Дедушкой переехала на Беговую.

В новый дом, где получили квартиры (и комнаты) работники аппарата главной партийной газеты, а также, примкнувшие к ним штатные и внештатные акулы пера...

Тех и этих Другая Бабушка по-соседски окучивала.

Или – они её...

Долго и умеючи.

Когда же пишмашинка всё-таки попала ко мне – ей капитально требовался ремонт...

Однако мастеров, разбирающихся в таких механизмах (разбирающих и собирающих такие механизмы) надо было поискать.

Я и искал.

Я и не нашёл...

К тому же лента для пишмашинки не подходила ни одна.

Ни 13 мм, ни 16...

Впрочем, я пишмашинкой иногда вынужденно пользовался.

Печатаю под (сворованную ещё на работе в инфизкульте) копирку вечные стихи и первую мою прозу.

В трёх экземплярах.

Четвёртый – увы – получался совсем слепой...

А на излёте горбачёвской перестройки дозрел Папа свою личную фирму организовать.

С давненько, видать, припасённым для собственного детища названием.

«Дабл ю» – «W».

В честь доблестной английской (атакующей посредством клина из пяти нападающих!) футбольной схемы-системы сорок пятого...

В общем, схватил Папа мою пишмашинку – и уволок.

Без разрешенья.

Понятное дело, домой (ко мне) она уже больше не вернулась...

ДЕВЯНОСТО ОДИН С ХВОСТИКОМ

– Я проживу девяносто один с хвостиком! – говорил мне Папа.

Причём говорил многожды.

Как бы заклиная и жизнь, и судьбу.

В конце концов, Папа не дожидая даже до своего 77-летия...

А неделю спустя, взглянувший на результаты последних больничных Папиных анализов, доктор медицинских наук, мой ровесник, этнический одессит Сергей Царенко заключил:

– Это вполне штатные анализы того, кому чуть больше девяноста.

Стало быть, Папин биологический возраст в момент ухода в мир иной составлял примерно девяносто один с хвостиком...

УРНА И ПАМЯТНИК

За Папиной урной мы с моим сыном Арсением ездили дважды.

На его машине.

Потому что в первый заезд Арсюша потерял паспорт.

Что выяснилось лишь часа через три после нашего посещения Митинского крематория.

Когда мы поехали на дачу, чтобы взять вроде как забытый там Арсением паспорт.

Ведь без Арсюшиного паспорта урну могли нам и не выдать.

Причём паспорт требовался именно этот: общероссийский.

Ибо – иностранный – категорически не годился по причине того, что в квитанции на получение урны значились реквизиты общероссийского...

Впрочем, заверенную нотариально копию своего общероссийского паспорта Арсений всё же обнаружил.

Днём позже.

На работе...

Чтобы через две недели мы повторили попытку вызвать урну.

Взяв с собой – на всякий случай – кроме водительских прав и копии паспорта общероссийского – иностранный сыновий паспорт.

Строго говоря, попытку №2 совершал Арсений без моего формального присутствия.

Востребованную крематорскую урну сыночку выдали, даже не испросив у него удостоверяющего личность документа.

Хоть какого-то...

Он мне об этом сам рассказал, подъехав к воротам Головинского кладбища.

Где я его ждал.

По договорённости.

Был – как раз – Папин день рождения.

77-летие.

Предсказуемо возникшее на стыке весны и лета.

Вот мы и решили провести обряд захоронения Папиной урны.

Приурочив одно к другому...

Первым делом – следовало отыскать родовую могилу.

А уже следом – в конторе могильщика.

Я знал номер участка и что могила – ближняя к пешеходной дорожке.

На пространстве в несколько десятков метров.

В ожидании Арсения я безуспешно занимался поисками нужной могилы минут сорок.

Мы вдвоём с Арсюшей – ещё минут пятнадцать.

Буквально все ближние могилы вдоль пешеходной дорожки были нами тщательно проверены и перепроверены.

До кучи – вторые и третьи от краешка пешеходной дорожки...

– Ну, разве что – вот эта? – почти вынужденно я указал Арсению на могильное место с несколькими глубоко вросшими в землю серыми горизонтальными плитами – проверь, что ли...

Единственное вокруг могильное место – с горизонтальными плитами.

Потому что памятники на всех прочих окрестных могилах стояли сутобо вертикально...

Арсений присел над лежащим камнем.

Поскрёб ногтем по его шероховатой пыльноватой поверхности.

Вырвал – двумя руками – из плиточных трещин сорную траву...

Короче, это оказалось именно то, что мы искали.

Могильщик же обнаружился в кладбищенской конторе практически моментально.

Вместе с лопатой и загодя, в самом начале апреля, заказанной мной для Папы табличкой.

Вверху которой был изображён православный крест.

Хотя я заказал безрелигиозную...

МЕМОРИАЛЬНАЯ ТАБЛИЧКА

Примерно недели за три до Арсениевой семейной репатриации оказались мы вдвоём с моим взрослым сыном на почти безлюдном Головинском кладбище.

Где урна с Папиным прахом захоронена.

На одном кладбищенском участке с телами Другого Дедушки и Тёти.

А ещё здесь же урна с прахом Другой Бабушки покоится.

Если позволительно соответствующим словом про урну...

Правда, урна с прахом Другой Бабушки в здешних могильных документах не значится.

В паспорте захоронения...

Так уж у Папы – тогдашнего владельца сего паспорта вышло, когда он этим делом занимался.

Аккурат посередке лихих девяностых...

Короче, прибыли мы будним майским московским утром на Головинское.

Вдвоём с Арсением.

Большую мраморную мемориальную табличку на тутошнем семейном участке поставить.

Практически памятник.

В честь Другой Бабушки и Папы.

Наконец у нас руки до этого дошли.

Вместе с ногами...

Заходим.

А народу вокруг – практически ноль.

Никого.

Вот мы в глаза ревностному охраннику и бросились.

Попались на глаза, когда через кладбищенскую калиточку – ту, что вплотную к будочке охранника – просачивались...

А в приличного размера холщовой сумке у Арсения – вышеупомянутая двуимённая табличка.

Которая целиком в сумку влезть не в состоянии.

Посему оттуда частично подтарчивает...

Что, собственно, внимание зоркого охранника и привлекло.

– Куда и зачем следуете? – как бы благожелательно спрашивает.

Вежливо и честно ему отвечаю.

– Это вам сначала надо к директору – как бы приветливо улыбается охранник. Вон туда – направо – в контору... Хотя, нет. Вот он сам – директор – прямо навстречу идёт...

Действительно, идёт нам навстречу.

Хотя и в сторону конторы.

Импозантный.

Стильно костюмно-галстучно упакованный.

Средневозрастной...

Идёт, впрочем, довольно медленно.

Что нам вроде как на руку...

В общем, подкатываем.

Так, мол, и так – объясняю нашу ситуацию.

Ссылаясь на пославшего к начальству охранника.

Который в двух шагах от нас болтается...

– Паспорт – спрашиваю директора – показывать? А – паспорт захоронения?

Кивает.

По телефону при этом с кем-то разговаривает.

А тут и дождик зарядил.

Меленький...

Под ним директор все запрошенные им документы и проверил.

На все нужные странички залез.

Да ещё и Арсения табличку показать вынудил.

Тот её и показал.

Чуть приспустив холщовую сумочную поверхность.

Чтобы Пашина верхняя половинная часть мраморной мемориальной таблички целиком выглядывала, а та часть, что Другой Бабушке принадлежит, оставалась для глаз невидимой...

В общем, то ли повезло, то ли Арсений специально таким образом табличку внутрь сумку встроил.

Предусмотрев нечто подобное...

Да и мелкий дождик, похоже, нам способствовал.

Вкупе с телефонным директорским разговором...

Притом что импозантный кладбищенский директор мимикой, жестом и парой уточняющих фраз отправил того же охранника сопровождать нас в сторону участка №7, значившегося в паспорте захоронения...

К счастью, следовать под конвоем охранника надлежало не слишком долго.

Главной задачей следующего этапа было умело готовить почву для установки мемориальной мраморной таблички, всячески тянуть время и ждать, пока охранник уйдёт, так и не увидев её, целиком вынутой из приличного размера холщовой сумки...

Нужного результата мы дождались весьма скоро.

Благо дождь в одночасье усилился.

После чего охранник молча ретировался.

Дав нам недвусмысленно предположить, что фактическая наша родина, в конце концов, может, нас и отпустит.

Если не куда-то ещё, то хотя бы на родину историческую...